

— Однако, видя тебя таким, я немного успокоился, — неожиданно поднявшись, Лу Ли крепко сжал руки Ло Ина и потряс их. — Я боялся, что ты просто играешь, обманываешь тело и душу, но теперь, похоже, это не так.

— Чушь, — фыркнул Ло Ин. — Зачем мне его обманывать? Я больше боюсь, что он обманет мое тело и душу.

В конце концов, он, Ло Ин, был одним из тех, кто во Дворце Облачных Небес имел целую группу «павлиньих принцев».

На обратном пути пейзажи были прекрасны. Дворец Облачных Небес, возвышающийся на тысячи футов над землей, был окутан облаками и сиянием. Солнце стояло высоко, но жара не ощущалась, а легкий ветерок, сопровождаемый небесной музыкой, ласкал лицо. Однако Мин Инь все это время молчал. Лу Ли толкнул его плечом:

— Все еще переживаешь?

Мин Инь, словно очнувшись от сна, пробормотал:

— Какая же это хорошая шпага...

Ло Ин: Простите, свекрови, я буду стараться контролировать себя и действовать по его воле.

Цюй Лянь: Моя воля? Спариваться! Спариваться!

Дни текли, как вода. Дворец Облачных Небес встретил осень раньше, чем остальные девять провинций. Летний зной ушел, западный ветер начал дуть, небо стало ясным, а в воздухе разливался аромат золотого османтуса. Каждый день, словно дикие журавли, они наслаждались спокойствием, будто вернулись в те времена, когда Цюй Лянь еще жил в горах.

Говорят, что повреждение костей и сухожилий заживает сто дней. Левая рука Лу Ли постепенно выздоравливала, но после снятия повязки все еще оставалась слабой и нуждалась в дальнейшем лечении.

Цюй Лянь неплохо справлялся с работой в Павильоне, ведущем к небесам. Он был ловок и проворен, легко находил нужные книги и быстро поднялся до уровня «искателя знаний». Если бы он прошел экзамен, то мог бы стать учеником, изучающим мир, как и Мин Инь.

Мин Инь чувствовал себя немного неловко. Хотя работа «искателя» была не такой сложной, и при хорошей памяти можно было подняться за полгода или год, но такие, как Цюй Лянь, кто мог читать десять строк за раз и запоминать все с одного взгляда, поднимались вверх с невероятной скоростью.

Он с заботой посоветовал:

— Эх, изучать мир не так просто, как искать книги. Тут недостаточно просто запомнить, где какая книга и что в ней написано. Нужно писать статьи, и экзамены сложнее. Вот что, я дам тебе несколько своих эссе, чтобы ты мог подготовиться.

Но Цюй Лянь не проявил особого энтузиазма:

— Писать статьи я не умею, мне и так хорошо.

Мин Инь рассмеялся:

— Судя по словам этого «павлиньего принца», ты действительно «не стремишься к лучшему».

— Он в последнее время так не говорит, — почесал щеку Цюй Лянь. — Он стал странным, часто ищет меня, но когда я приближаюсь, он отдаляется, а потом снова ищет.

Однажды Ло Ин на несколько дней вызвали к отцу, и по возвращении он привез Цюй Ляню местное лакомство из Яньчжоу — леденцы на палочке. Сладкие и кислые, они так понравились Цюй Ляню, что он радостно бросился к Ло Ину и поцеловал его, но тот в ярости оттолкнул его, что сильно огорчило Цюй Ляня. Он даже не стал есть леденец, а просто воткнул его в стол и смотрел на него.

— Нет-нет, — застонал Мин Инь. — Вам не нужно рассказывать мне все ваши любовные истории. Я одинокий человек, пожалуйста, пощадите меня.

— Одинокий? Разве у тебя нет Лу Ли?

Мин Инь рассмеялся, но потом почувствовал отвращение и махнул рукой:

— Этот бородатый грубиян Лу Ли мне не по душе.

Он подумал, что Цзян Лань был бы неплохим выбором, хотя и был таким же глупым, как Цюй Лянь, но зато высоким, с серьезным лицом, которое выглядело умным.

Цзян Лань не остался с ними в Павильоне, ведущем к небесам. Он сказал, что с детства учился у своего учителя некоторым простым заклинаниям, и отправился в Павильон Эликсиров. В последнее время во Дворец Облачных Небес прибыло много новичков, и Зал Заповедей проводил общие занятия. Цюй Лянь и Цзян Лань часто виделись, а после уроков иногда шептались о чем-то.

— Кстати, Мин Инь, ты не заметил, что в последнее время еда Лу Ли стала горьковатой? — не удержался Цюй Лянь, высунув язык. Этот вкус всегда напоминал ему те травы, которые он ел каждый день в горах.

— Он слаб здоровьем, принимает травы для укрепления мужской силы. Ты должен понять Лу Ли, ему уже немало лет, а он все еще одинок, это печально. Если он не будет укреплять свое здоровье, через пару лет ему будет совсем плохо.

— Ты тоже это заметил? Поэтому в последнее время ты не приходишь домой ужинать. Это нехорошо, Лу Ли старается готовить, а никто не ест, это грустно.

Мин Инь почувствовал себя неловко:

— Я... в последнее время занят написанием эссе. Не все думают только о еде, как ты.

Он не хотел пользоваться подаренными ему травами. Уже и так чувствовал себя униженным, не хотелось еще больше быть обязанным. Неважно, знают ли другие, он боялся презирать себя сам.

Высокое небо и широкие облака. В Обители Застывших Вод золотые колокольчики на ветру звенели в осеннем воздухе.

Цветы феникса опали, их красные лепестки уже смешались с землей. Колеса телег проезжали

в тишине, и в воздухе все еще чувствовался легкий аромат.

Ло Ин катал коляску Ло Ина, напевая песню, которая была далека от мелодии.

— ... — Ло Ин не мог сдержать смеха. — Ты действительно счастлив, как весенний ветер, но ты катишь меня так, что я едва держусь.

Ло Ин очнулся и смутился:

— Если брат завидует, то поскорее найди себе подходящего человека.

— Ты торопишь меня уйти?

— Ни в коем случае, — наклонился Ло Ин, глядя на него с хитростью в глазах. — Каждый раз, когда я возвращаюсь, я вижу сватов, которые приходят к тебе. Брат, ты действительно окружен женским вниманием.

Ло Ин отмахнулся:

— Ты слишком болтлив, лучше бы Нин Чжэнь был со мной.

Он сказал это просто так, ведь Нин Чжэнь был никем, всего лишь собакой, в его глазах он не считался человеком. Даже когда Нин Чжэнь был рядом, он чувствовал себя одиноким. За столько лет он привык к одиночеству, но Ло Ин всегда был другим.

Однако теперь Ло Ин тоже больше не принадлежал ему.

— Брат, — Ло Ин остановился и вдруг серьезно сказал:

— Если ты... если ты действительно не хочешь принимать других... как насчет Нин Чжэня?

Ло Ин остолбенел.

Нин Чжэнь, прятаясь в тени, тоже остолбенел.

Нин Чжэнь был как невидимка, никто не обращал на него внимания, его существование игнорировали. Он с детства заботился о Ло Ине, но тот никогда не смотрел на него всерьез. Поэтому он привык прятаться в тени, появляясь только тогда, когда Ло Ин нуждался в нем, и даже тогда притворялся глухим и немым, делая вид, что ничего не видит и не думает, боясь, что любая мысль будет кощунством.

Красавец в беде вызывает жалость.

Но ему приходилось не только смотреть, но и разрывать раны, о которых все молчали, и разбираться с самыми грязными и неприятными вещами.

Неудивительно, что Ло Ин ненавидел его.

Ло Ин тоже его ненавидел, не скрывая этого. Он всегда упрекал его за то, что он недостаточно хорошо заботится о своем брате, особенно после того, как однажды застал его... В тот день Ло Ин в ярости нанес ему глубокую рану на груди, чуть не разрубив его пополам. Ло Ин бросился за ним, крича:

— Если ты убьешь его — это все равно что убить меня!

Эти слова не имели никакого романтического подтекста, но Нин Чжэнь заплакал и помнил их долгое время.

Теперь же высокомерный Ло Ин спрашивал: «Как насчет Нин Чжэня?» Нин Чжэнь, прятаясь в тени, сжался от страха. Что это значит? Как он? Хорошо ли это или плохо?

Ло Ин первым пришел в себя и усмехнулся с недоверием:

— Почему ты так спрашиваешь?

Это было как пощечина. Руки Ло Ина на коляске задрожали, и он тут же добавил:

— Как ты мог так подумать?

— Брат, старший брат, послушай меня...

— Ло Жуйи, ты что, потерял голову из-за этого Цюй Ляня? — глаза Ло Ина сузились, взгляд стал острым, как лезвие, и его обычно мягкие губы сжались, произнося ранящие слова. — Не думал, что дурак может так тебя ослепить. Да, ты расширил свои горизонты, перестал судить людей по светским меркам, но люди все же делятся на высших и низших, а некоторые... даже не считаются людьми.

Ло Ин был шокирован:

— Брат? — он с недоумением прищурился. — Не считаются людьми? Тогда кто они?

Грудь Ло Ина вздымалась, и он улыбнулся, смягчив тон:

— Пешки.

— Если жизнь — это шахматная доска, а все люди — пешки, то кто держит фигуры?

Ло Ин, раздраженный его агрессивным тоном, резко протянул к нему руку:

— С этим в руках, мы все — скоты!

[Сорок первый]

<http://bllate.org/book/16248/1461506>